

SIARHEI PADSASONNY

Uniwersytet Warszawski

<https://orcid.org/0000-0001-9527-7878>

Еврейский вопрос Федора Достоевского через роман Леонида Цыпкина *Лето в Бадене*

KWESTIA ŻYDOWSKA FIODORA DOSTOJEWSKIEGO POPRZEZ POWIEŚĆ LEONIDA CYPKINA *LATO W BADEN*

Streszczenie: W artykule analizowane jest podejście do kwestii żydowskiej Fiodora Dostojewskiego w powieści Leonida Cypkina *Lato w Baden*. Zgodnie z zasadą tekstu ponowoczesnego narracja prowadzona jest w kilku wymiarach. Kwestia żydowska rozumiana jest w kontekście korpusu tekstów Dostojewskiego, ale jednocześnie atrybutem ekspresji staje się pamiętnik żony pisarza — Anny Dostojewskiej. Zauważalne jest subiektywne podejście Cypkina, który od czasu do czasu wchodzi w gatunek eseju literackiego, a także przeżywa wewnętrzny konflikt swojego pochodzenia. Paradoxem jest tu humanizm i antysemityzm Dostojewskiego. Wygrywa miłość do literatury, ale kwestia żydowska pozostaje traumą nie do przewyciężenia. Odwołanie się do kwestii żydowskiej określa specyfikę poetyki powieści.

Słowa kluczowe: Leonid Cypkin, Fiodor Dostojewski, kwestia żydowska, powieść, pamiętnik

FYODOR DOSTOEVSKY'S JEWISH QUESTION
TROUGH THE NOVEL OF LEONID TSYPKIN *SUMMER IN BADEN-BADEN*

Summary: The author analyses the Fyodor Dostoevsky's approach to the Jewish question through the Leonid Tsyppkin's novel *Summer in Baden-Baden*. According to the principle of the postmodern text, the narration is conducted in several dimensions. The Jewish question is comprehended in the context of Dostoevsky's corpus of texts. Next to that, the diary of the writer's wife — Anna Dostoevskaya becomes an attribute of expression. Attention is drawn to the subjective approach of Tsyppkin, who periodically goes into the genre of a literary essay, and also experiences an internal conflict of his origin. The paradox here is Dostoevsky's humanism and anti-Semitism. The love for the literature wins, but the Jewish question remains an insurmountable trauma. The raising of the Jewish question determines the peculiarities of the novel's poetics.

Key words: Leonid Tsyppkin, Fyodor Dostoevsky, Jewish question, novel, diary

Леонид Борисович Цыпкин (1926–1982 гг.) — врач по образованию из еврейской семьи потомственных врачей, уроженец Минска, опубликовавший целый ряд работ по медицине, но так и не увидевший в печати своего литературного творчества. Его

близкие испытали на себе красный террор, а затем и ужасы нацистской оккупации: отец вернулся из сталинского лагеря после попытки самоубийства, несколько родственников не выжили в лагерях; бабушка, тетя и двоюродные братья погибли в минском гетто. Леонид остался в живых и стал врачом, но был вынужден не только нести в себе травму преследования и уничтожения семьи, а также скрываться от государственного антисемитизма на должности в психиатрической больнице в сельской местности. В ходе эвакуации семья попала в Уфу. И только через несколько лет после смерти Сталина в 1957 году он переехал в Москву вместе с семьей и работал патологоанатомом. О литературном творчестве мечтал всегда, но из-за материальных сложностей и необходимости содержать семью остался в медицине, защитил докторскую диссертацию, занимался научными исследованиями. Хотя он писал стихи и прозу еще в начале 60-х гг., а потом уже в сорокалетнем возрасте продолжал литературную дорогу в разных прозаических жанрах, всё это было скрыто в стол и не опубликовано. Его произведения читали лишь жена с сыном и некоторые друзья. Он просто писал, не желая испытать на себе политических преследований, однако избежать этого все равно не получилось. В 1977 году его сын с женой получили разрешение на эмиграцию в США, а после их выезда начались проблемы на работе у отца: смещение с должности, снижение зарплаты, ограничения в исследовательской практике. На его прошение выезда из страны с женой и матерью в 1981 году пришел отказ. Всё это — время активной работы над романом *Лето в Бадене*, который стал самым крупным и последним его произведением. Автор передал рукопись через журналиста Азария Мессера за границу. Сам Леонид Цыпкин получает еще один отказ в выезде, затем его окончательно уволили с работы. В этот же день (15 марта 1982 года) ему позвонил сын и сообщил, что первая часть романа опубликована два дня назад в русском еженедельнике в Америке «Новая газета». А уже 20 марта Леонида Цыпкина не стало.

Роман писателя *Лето в Бадене*, изданный буквально за неделю до его смерти, был предан забвению на долгие годы, и лишь случайность открыла произведение для мира читателей и исследователей. Книгу нашла на лондонском базаре американская писательница и критик Сьюзен Зонтаг, впоследствии сопроводившая произведение восторженным комментарием в 2001 году: «Этот роман я, ничуть не усомнившись, включила бы в число самых выдающихся, возвышенных и оригинальных

достижений века, полного литературы и литературности — в самом широком смысле этого определения»¹.

Композиция романа представляет собой параллельное, сменяющееся и многоуровневое повествование об автобиографическом путешествии Цыпкина в Ленинград по местам Достоевского, а также о поездке за границу молодоженов Анны и Федора Достоевских, воспроизводимой по дневниковым запискам супруги писателя. Историческая документальная действительность находит точки соприкосновения с авторской фантазией и вымыслом, субъективностью переживаний и оценок, действительной реальностью советской эпохи. Цыпкин смешивает два времени — прошлое писателя и собственное настоящее, выстраивает их неочевидные связи, но, как замечает Зонтаг, в романе «границы времени условны». Уже на первой странице сюжет запускается при помощи удвоенного мотива пути: Цыпкин едет в поезде из Москвы в Ленинград, осознанно названный Петербургом, — так, как и Петербург Достоевского; а через чтение дневника Анны Григорьевны Достоевской переходит к описанию ее с мужем путешествия в 1867 году, но в свете субъективной авторской интерпретации. Книга, сравниваемая в романе с *Библией*, — вполне конкретна и была взята у тети Цыпкина — Лидии Моисеевны Поляк, литературоведа, сотрудницы Института мировой литературы. Выделенная значимость книги подвергается постмодернистской переоценке, документальность дневника деконструируется в художественный текст, набор фактов распадается и подвергается авторской сборке, осмыслению и литературоведческой интерпретации.

Все эти особенности говорят о новаторстве жанровых особенностей произведения, если учесть время его создания. Сводятся две России — XIX века и советская, в них отличаются названия топонимов, но происходит метафизическая накладка обеих реальностей, что подчеркивает непреходящее течение времени, соединителем которого выступает образ Достоевского. Обыгранная фраза потока сознания в романе воспроизводит внутренний мир «подпольного человека», который борется со своими страхами и которым здесь выступает сам Достоевский, а его «несбыточной мечтой» назван Ставрогин — образ, воплотивший в себе черты духовного падения и смерти. В то же время знакомый дедушки Цыпкина, еврей,

¹ С. Зонтаг, *Любить Достоевского* // Л. Цыпкин, *Лето в Бадене*, Новое литературное обозрение, Москва 2003, с. 3, https://www.netzulin.org/R/OrgR/Library/Tsyppkin/tsyppkin_letov_badene.pdf [10.04.2022].

прелюбодей и музыкант без имени, напоминал Верховенского: «быстро и гладко говорящий, изворотливый, угодливый». Верховенский — воплощение абсолютного зла, которое не исчезает, а лишь укрывается на время. Так автор обозначает несколько уровней личного прикосновения и пересечения с Достоевским, а также в канву повествования вводит художественную реальность романов классика. Всё это демонстрирует обращение Цыпкина к корпусу текстов Достоевского, из чего выстраивается новая действительность романа *Лето в Бадене*.

Еврейский вопрос, подчеркнуто обозначенный Цыпкиным уже при первом обращении к путешествию Достоевских, становится неотъемлемым мотивом всего произведения. Первым городом, в который попали Аня и Федя в своей поездке, был Вильно, а там:

В гостинице им то и дело попадались на лестнице *жидочки*, 12 навязывающие свои услуги и даже бежавшие за пролеткой, в которой ехали Анна Григорьевна и Федор Михайлович, чтобы продать им янтарные мундштуки, пока те не прогнали их, а вечером на старых узких улицах можно было увидеть тех же *жидочков* с пейсами, которые прогуливали своих *жидовочек*² (здесь и далее курсив мой — С. П.).

В одном предложении, заметим, Цыпкин использовал три раза различные формы одного слова, которое на этой же странице будет появляться с навязчивой частотой. Уже в первой дневниковой записи Анны Достоевской о Вильно встречаем: «Особенно много попадаетея *жидов* со своими *жидовками* в желтых и красных шалях и наколках»³. И в следующем абзаце:

Когда мы уж совсем собрались, вошел какой-то *жидок* с предложением что-нибудь у него купить. Мы забыли мыло, и поэтому я решила купить его. Взял за яичное 15 копеек. Другой его товарищ предлагал нам купить какой-то образ, который, по его словам, стоил ему самому 15 рублей, но который он продает очень дешево. Но мы отказались. Мало-помалу набралось так много *жидов* в нашу комнату, которые явились нас провожать. Каждый прощался с нами, все бросились выносить наши вещи, и под конец два из них (*Заменено: все*) попросили на чай. Мы сели в коляску и довольно далеко отъехали, как вдруг за нами бегом поравнялся *жидок*, он хотел нам продать два мундштука янтарных. Мы прогнали его⁴.

Встречается «какой-то *жид*» и в поезде до Берлина, «грязная харчевня» у синагоги — уже в Дрездене. Цыпкин усилил зву-

² Л. Цыпкин, *Лето в Бадене...*, с. 11–12.

³ А. Г. Достоевская, *Дневник 1867 года*, подгот. С.В. Житомирская, Наука, Москва 1993, https://a.z.lib.ru/d/dostoewskaja_a_g/text_1867_dnevnik.shtml [10.04.2022].

⁴ Там же.

чение использованием негативной коннотации слова через уменьшительно-уничужительную форму. Хотя значение слова «жид» в русском языке времени Достоевского и времени Цыпкина значительно различались: как можно заметить в словаре Владимира Даля, это слово не всегда несет в себе негативную коннотацию. Тем не менее Аркадий Горнфельд еще в 1910 году в *Еврейской энциклопедии Брокгауза и Ефрона* определил, что Достоевский — «один из значительнейших выразителей русского антисемитизма»⁵. И вот уже более ста лет не утихает полемика о еврейском вопросе в наследии писателя. По этой теме написано огромное количество работ, детальный обзор которых потребовал бы отдельной публикации. Многие из данных исследований перечислены в статье Максима Шраера *Достоевский, еврейский вопрос и «Братья Карамазовы»*, вышедшей в ежегодном альманахе «Достоевский и мировая культура»⁶. И уже после этой статьи появились очередные работы. Здесь отметим анализ Татьяны Касаткиной *По поводу суждений об антисемитизме Достоевского*⁷. Но все эти публикации не ставят точки в дискуссии о Достоевском как об «антисемите» или «филосемите». Осмелимся предположить, что объективный взгляд на вопрос невозможен, так как всегда включает эмоциональную составляющую оценок, без однозначной опоры на твердой терминологии. Для Цыпкина, как автора художественного произведения и с усилением смыслового перевеса в плоскость своего происхождения, данный вопрос поднимается именно в таких координатах. А это означает, что явные обвинения Достоевского в антисемитизме четко определены, на что обратил внимание в рецензии на роман Карен Степанян: «Этот роман — как долгий, постепенно затихающий в ночи вскрик обиды и боли»⁸. При этом высокой критической оценки у российских литературоведов роман не получил.

Личность Достоевского предстает через двойное повествование — автора и жены писателя в ее дневнике. Поэтому еврейский вопрос обозначен как что-то определенно извест-

⁵ *Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона*, Брокгауз-Ефрон, Санкт-Петербург 1910, т. 7, https://ru.wikisource.org/wiki/ЕЗБЕ/Достоевский,_Федор_Михайлович [11.06.2022].

⁶ М. Шраер, *Достоевский, еврейский вопрос. «Братья Карамазовы»*, «Достоевский и мировая культура» 2006, № 21, с. 150–171.

⁷ Т.А. Касаткина, *По поводу суждений об антисемитизме Достоевского*, «Достоевский и мировая культура» 2007, № 22, с. 413–435.

⁸ К. Степанян, Леонид Цыпкин. «Лето в Бадене», «Знамя» 2004, № 6, <https://magazines.gorky.media/znamia/2004/6/leonid-czypinkin-letno-v-badene.html?msclid=4625c983cf1d11ec83aaa41ed9d55d52> [09.05.2022].

ное пишущему из художественного наследия, публицистики, переписки. При сравнении выделенных нами лексем нельзя исключить, что замечания самой Достоевской были вызваны влиянием ее мужа, который неоднократно обращался к еврейскому вопросу в своем наследии, особенно публицистике, что будет отмечено далее. Позже автор снова возвращается к этой теме:

Впрочем, *жидочков* Анна Григорьевна заприметила еще раньше — во время своего первого прихода к Феде в дом Олонкина, где он писал *Преступление и наказание*, и дом этот, по позднему свидетельству Анны Григорьевны, сразу же ей напомнил дом, в котором жил Раскольников, а *жидочки* среди прочих спящих жильцов тоже повстречались на лестнице⁹.

Важно отметить, что в качестве отдельной ремарки Цыпкин упомянул о знакомстве Анны Достоевской с литературоведом еврейского происхождения Леонидом Гроссманом, написавшим ряд трудов о творчестве ее мужа, а позже биографию *Достоевский* (1962 г.) в серии *Жизнь замечательных людей*: «Впрочем, справедливости ради, надо заметить, что в *Воспоминаниях*, написанных Анной Григорьевной незадолго до революции, может быть, даже уже после знакомства с Леонидом Гроссманом, о *жидочках* на лестнице не упоминается»¹⁰. Подчеркнем, что именно Гроссман является автором приложения *Достоевский и иудаизм* в книге *Исповедь одного еврея* (1924 г.), которая пережила похожую судьбу, как роман Цыпкина: издание на Западе, забвение на долгие годы и новое открытие. Это беспристрастная литературоведческая публикация о еврейском вопросе в наследии Достоевского, развенчание уже сформировавшихся мифов и обращение к фактам, попытка примирить дихотомическое мировоззрение. Так, литературовед писал: «[...] уважение к этической мысли еврейства при неприязни к создавшему ее народу не должно поражать нас в Достоевском. Совмещение философского семитофильства с практическим антисемитизмом было уделом многих мыслителей»¹¹.

«Почти как те *жидки*, которые впоследствии преследовали его и Анну Григорьевну в Вильне»¹², представлен и сам Досто-

⁹ Л. Цыпкин, *Лето в Бадене...*, с. 12.

¹⁰ Там же.

¹¹ Л.П. Гроссман, *Достоевский и иудаизм* // Того же, *Исповедь одного еврея*, <https://biography.wikireading.ru/44413?msclid=126beea3cfd11ecb5a00df28ca478bd> [09.05.2022].

¹² Там же, с. 21.

евский в Твери, куда он попал после каторги с первой женой и где бегал за поездами с прошениями разрешить поселиться в Петербурге и другими просьбами к брату Михаилу. Здесь на уровне сюжетики Цыпкин будто бы отыгрывается на Достоевском за все его высказывания о еврейском вопросе. И далее, сравнивая знакомого еврея с Верховенским, а последнего — с Федькой Каторжным, называет его «Федька-каторжник», что также в контексте осведомленности автора не выглядит лишь случайной ошибкой, но разворачивает перед читателем цепь негативных аналогий без прямого указания. Еврейский вопрос, обозначенный в дневнике Достоевской, перетекает в художественное наследие, как отмечалось, через роман *Бесы*. Явно негативным образом назван Лямшин, который преступает границы нравственных и общепринятых норм, впуская мышь за стекло иконы, представлен «шутком», но, что важно для Цыпкина, а поэтому подчеркнуто им в романе дважды, — он «жид Лямшин». И это он осквернил икону.

В тексте дневника упоминания о евреях в Дрездене отсутствуют на протяжении месяца описания пребывания в Германии, лишь в записи за 21 (9) мая встречается «какая-то ужасная харя», замененная позже на «госпожа, полная собственного достоинства», которая «ужасно походила на нашу *еврейку* Вольфсон». Сделанное будто вскользь сравнение указывало снова на негативное отношение Достоевской. И позже в записи за 3 июня (22 мая) находим замечание: «На дороге нам попались поляки, те самые, которых я встретила, переезжая из Pillnitz'a. Я их терпеть не могу. Особенно тут есть маленький человечек, какой-то *жидок*, как мне кажется»¹³. И 13 (1) июня о посещении картинной галереи: «Народу сегодня было довольно много, но меня особенно рассердил один *жид*, который просто спал перед картинами»¹⁴. 24 (12) июля после попытки заложить вещи: «Через час пришел какой-то маленький немец, мне кажется, из *жидов*»¹⁵. 13 (1) августа еще одно упоминание о закладчике: «[...] Федя просидел больше часу (бедный, бедный Федя! Он такой милый, талантливый, такой благородный, и ему приходится сидеть у каких-нибудь *жидов*, потому что Weismann, вероятно, *жид*)»¹⁶. После покупки книг у продавщице: «Каждый том стоит 1 франк, но эта хитрая *жидовка* взяла с нас еще что-то, так что за 3 книги взяла 2 флорина. У нее буд-

¹³ А.Г. Достоевская, *Дневник 1867 года...*

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

то бы не нашлось сдачи. Какая скверная *жидовка*, право!»¹⁷. Всё это упоминания о тех людях, которых Анна Григорьевна встречала лично или с которыми пересекалась в жизни. Значение имеет указание не просто на национальность, а именно на этническое происхождение, которое охарактеризовано как подчеркнуто негативное. В данном контексте Достоевская полностью повторяет оценки своего супруга.

В Баден Достоевские прибыли 4 июля (22 июня) — отправной момент того самого сюжетного лета, вынесенного Цыпкиным в заглавие его романа. Достоевский с жаром бросился играть и проигрывать все имеющиеся деньги, отыгрывать и снова проигрывать, а Достоевская — проклинала Баден. Без лишних денег Достоевские, согласно записям в дневнике, 23 (11) августа покинули «проклятый город» Баден, то есть, пробыв там чуть более полутора месяца.

В романе Цыпкина появляется и социально-политический конфликт его времени через аллюзию на личности Александра Солженицына и Андрея Сахарова — как выразителей авторской антиномии русофильства и западничества, что раскрывается и через зеркальные образы Достоевского и Тургенева. Будто бы вскользь автор упоминает, что второго в народе ненавидели больше первого и «считали евреем». Биографическим фактом является то, что Сахаров евреем не был, но данное упоминание подчеркивает бытовой народный антисемитизм, корень которого заключается в поиске некоего метафизического зла именно в еврействе, даже через создание фактоидов и мифов. Этот же аспект отражен и в дневниковых записях Достоевской. Вторая жена академика Елена Боннэр «носила нерусскую фамилию», о них говорят как о тех, кто «торгует родной», их сподвижники «были патлатыми с длинными носами». Это литературная передача в романе отношения массы к этим людям, что определено Цыпкиным как некий «национальный дух». Пренебрежение к евреям Цыпкин описывает и далее при повествовании о Достоевском, идущем по Бадену в метафорическую гору, «несмотря на *жидов* и полячков, мельтешивших перед глазами». Эти национальности предстают в осмыслении миропонимания Достоевского как препятствия и преграды. Жизненный путь и время за игровым столом Бадена будто взаимно заменяются в сознании Достоевского. После игровых поражений он закладывает вещи, также символические для семьи: «...она дала ему свое обручальное кольцо, и он заложил

¹⁷ Там же.

его у Weismann'a, который, по словам Анны Григорьевны, был из *жидов*»¹⁸. Заклад немислимый, а соучастником становится именно еврей, который снова будто бы в чем-то виноват.

Сьюзен Зонтаг писала: «Тема антисемитизма Достоевского выплескивается на страницы *Лето в Бадене*, едва Цыпкин прибывает в Ленинград, но разрешения этому мучительному вопросу нет и в конце романа»¹⁹. На самом деле данная тема обозначена уже в начале романа, а сюжетный приезд происходит ближе к финалу произведения. Это, скорее, идейная развязка в поисках ответа на вопрос не только об антисемитизме Достоевского, но и беспредельной любви к его творчеству как раз самими евреями. Именно в Ленинграде в квартире своей приятельницы Гильды Яковлевны (Гили), у которой он ночует, Цыпкин читает том дореволюционного издания Достоевского. Это будто случайность, но в сюжете, скорее, закономерность — *Дневник писателя* и статья *Еврейский вопрос*, через которую определяется центр идейного повествования романа *Лето в Бадене*. Данное чтение автор предваряет детальным описанием своих родственников и их друзей, подчеркивая свою принадлежность к еврейской культуре. От ощутимой симпатии по отношению к ним введен резкий переход к статье Достоевского:

[...] *Дневник писателя* за семьдесят седьмой или семьдесят восьмой год, — наконец-то я натолкнулся на статью, специально посвященную евреям, — она так и называлась: *Еврейский вопрос*, — я даже не удивился, обнаружив ее, потому что должен же он был в каком-то одном месте сосредоточить всех *жидов*, *жидков*, *жиденят* и *жидёнышей*, которыми он так щедро пересыпал страницы своих романов [...]»²⁰.

Действительно, Достоевский обращается к этой теме во второй главе своего авторского журнала *Дневник писателя* за март 1877 года. Это названная статья *Еврейский вопрос*, а также *Pro et contra, Status in statu. Сорок веков бытия; Но да здравствует братство*²¹. Цыпкин характеризует эти публицистические рассуждения определенным итогом «антисемитских доводов и мифов», которые с избытком были рассыпаны и в художественном наследии Достоевского. Перед нами смысловой парадокс писателя-гуманиста и шовиниста-антисемита, но

¹⁸ Л. Цыпкин, *Лето в Бадене...*, с. 53,

¹⁹ С. Зонтаг, *Любить Достоевского* // Цыпкин Л. *Лето в Бадене...*, с. 8.

²⁰ Там же, с. 71.

²¹ Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, Наука, Ленинград 1983, т. 25, с. 74–88.

не через жанровые особенности, так как художественное наследие писателя можно читать через призму полифонии (Михаил Бахтин), а вот публицистика монофонична. И здесь всё достаточно ясно охарактеризовано Достоевским: страдальческий путь евреев, отсутствие базовых прав не перевешивают страданий и угнетения русского народа; евреи наживаются на страданиях ближних, спаивают народ, их характеризует слово «безжалостность»; самих евреев называет не народом, а «всемирным племенем», но при этом доказывает, что никакого преследования евреев и ненависти к ним ни у него самого, ни в народе нет; также мотивом становится упоминание о русофобии именно со стороны евреев, которые утверждены в собственной исключительности. Более того, доводы Достоевского делают жертву соответственной за собственные страдания:

Нет-с, уверяю вас, что в русском народе нет предвзятой ненависти к еврею, а есть, может быть, несимпатия к нему, особенно по местам и даже, может быть, очень сильная. О, без этого нельзя, это есть, но происходит это вовсе не от того, что он еврей, не из племенной, не из религиозной какой-нибудь ненависти, а происходит это от иных причин, в которых виноват уже не коренной народ, а сам еврей²².

В своих нападках и обвинениях Достоевский доходит до эмоционального заключения: «Мы говорим о целом и об идее его, мы говорим о *жидовстве* и об *идее жидовской*, охватывающей весь мир, вместо неудавшегося христианства [...]»²³. Достоевский-мыслитель сходит на путь эмоционально-бытовых оценок. А поэтому как диссонанс звучат заключительные христианские призывы к «*братству с обеих сторон*». Не может этого принять и Цыпкин, ибо «человек этот не нашел ни одного слова в защиту или в оправдание людей, гонимых в течение нескольких тысяч лет». Неким парадоксом иного рода для автора *Лета в Бадене* стала «почти монополия» на изучение наследия Достоевского литературоведами-евреями, фамилии которых перечислены в произведении и которые внесли неоценимый вклад в развитие достоеведения (Гроссман, Долинин, Розенблюм, Кирпотин, Коган, Фридендер, Гус, Шкловский, Белкин и мн. др.):

[...] было что-то противоестественное и даже на первый взгляд загадочное в том страстном и почти благоговейном рвении, с которым они

²² Там же, с. 80–81.

²³ Там же, с. 85.

терзали и до сих пор терзают дневники, записи, черновики, письма и даже самые мелкие фактики, относящиеся к человеку, презиравшему и ненавидевшему народ, к которому они принадлежали — нечто, напоминающее акт каннибализма, совершаемый в отношении вождя враждебного племени, — возможно, однако, что в этом особом тяготении евреев к Достоевскому можно усмотреть и нечто другое: желание спрятаться за его спиной, как за охранной грамотой — нечто вроде принятия христианства или намалевания креста на двери еврейской квартиры во время погром [...]»²⁴.

В этом предложении сам Цыпкин смещает свое произведение в жанр публицистического эссе, в котором рассуждает о представителях еврейского народа, частью которого является и он сам. Позже и в лицах научных сотрудников музея Достоевского Цыпкин рассмотрел «еврейское происхождение», а в их рассказах-шутках упоминался актер опять же «с еврейской фамилией». В поисках ответа на вопрос и самого Цыпкина, почему евреи любят Достоевского, Зонтаг пришла к заключению:

Единственное объяснение, которое предлагает Цыпкин, — это вообще любовь евреев к русской литературе. Такое умозаключение напоминает о другом, похожем явлении: немецкое поклонение Гете и Шиллеру по большей части было тоже делом 9 евреев — до тех пор, пока Германия не принялась их уничтожать. Любить Достоевского значит любить литературу²⁵.

Далее в романе, как фантастическая реальность, как некий сон, проносится жизнь Достоевского, в которой Цыпкин снова не пропускает мелькнувших где-то «жидков», Ротшильда — «жида-скряги», который именно так представлен и в *Дневнике писателя*. Эти будто случайные упоминания являются штрихами-дополнениями в общем разборе еврейского вопроса в романе.

Тема произведения выступает личным переживанием Цыпкина, который после детального повествования о смерти Достоевского на последней странице романа задается вопросом: «...почему меня так странно привлекала и манила жизнь этого человека, презиравшего меня ('заведомо', 'зазнамо', как он любил выражаться) и мне подобных?»²⁶. Ответа на этот вопрос не следует, с ним остается читатель, который доведен до сюжетного финала, но поставлен перед открытым финалом повествования о внутренних переживаниях Цыпкина в еврей-

²⁴ Л. Цыпкин, *Лето в Бадене...*, с. 72.

²⁵ С. Зонтаг, *Любить Достоевского...*, с. 8–9.

²⁶ Л. Цыпкин, *Лето в Бадене...*

ском вопросе. Этическая составляющая ставит однозначность оценок, литературоведы уходят в дихотомию, а эпоха постмодерна, в которой создавался и был открыт роман, позволяет многоуровневое прочтение. Все проанализированные черты являются ключевыми при осмыслении особенностей поэтики романа. Новаторством же Цыпкина является совмещение всех данных особенностей, что позволяет искать ответ на еврейский вопрос Достоевского и самого автора *Лето в Бадене*, но определять смысл не через постановку точки в смыслах, а через метафизические поиски не только в литературном наследстве, но и внутри себя, когда принципиально важен процесс поиска, а не его завершение.

References

- Cypkin, Leonid. *Leto v Badene*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie 2003 <https://www.netzulum.org/R/OrgR/Library/Tsyppkin/tsyppkin_letov_badene.pdf> [Цыпкин, Леонид. *Лето в Бадене*. Москва: Новое литературное обозрение 2003 <https://www.netzulum.org/R/OrgR/Library/Tsyppkin/tsyppkin_letov_badene.pdf>].
- Dostoevskaya, Anna. *Dnevnik 1867 goda* (izdanie podgotovila S.V. Zhitomirskaya). Moskva: Literaturnye pamyatniki <http://az.lib.ru/d/dostoevskaja_a_g/text_1867_dnevnik.shtml> [Достоевская, Анна. *Дневник 1867 года* (издание подготовила С.В. Житомирская). Москва: Литературные памятники <http://az.lib.ru/d/dostoevskaja_a_g/text_1867_dnevnik.shtml>].
- Dostoevskij, Fiodor. *Polnoe sobranie sochinenij v tridcati tomakh*. Leningrad: Nauka 1983, t. 25 [Достоевский, Федор. *Полное собрание сочинений в тридцати томах*. Ленинград: Наука 1983, т. 25].
- Evrejskya enciklopediya Brokgauza i Efrona*. Sankt-Peterburg: Brokgauz-Efron 1910, t. 7 <https://ru.wikisource.org/wiki/ЕЭБЕ/Достоевский,_Феодор_Михайлович> [*Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона, Санкт-Петербург: Брокгауз-Ефрон 1910, т. 7* <https://ru.wikisource.org/wiki/ЕЭБЕ/Достоевский,_Феодор_Михайлович>].
- Grossman, Leonid. "Dostoevskij i iudaizm. Prilozhenie." In: L. Grossman. *Ispoved odnogo evreja* <<https://biography.wikireading.ru/44413?msclid=126beea3cfdb11ecb5a00df28ca478bd>> [Гроссман, Леонид. "Достоевский и иудаизм. Приложение." В: Л. Гроссман. *Исповедь одного еврея*, <<https://biography.wikireading.ru/44413?msclid=126beea3cfdb11ecb5a00df28ca478bd>>].
- Kasatkina, Tatyana. "Po povodu suzhdenij ob antisemitizme Dostoevskogo." *Dostoevskij i mirovaya kultura*, no. 22, Moskva: Obshestvo Dostoevskogo, Moskovskoe otdelenie 2007 [Касаткина, Татьяна. "По поводу суждений об антисемитизме Достоевского." *Достоевский и мировая культура*, no. 22. Москва: Общество Достоевского, Московское отделение 2007].
- Shrayer, Maxim. "Dostoevskij, evrejskij vopros. 'Bratya Karamazovy'." *Dostoevskij i mirovaya kultura*, no. 21. Sankt-Peterburg: Serebrjanyj vek 2006 [Шраер, Максим. "Достоевский, еврейский вопрос, 'Братья Карамазовы'." *Достоевский и мировая культура*, no. 21. Санкт-Петербург: Серебряный век 2006].
- Stepanyan, Karen. "Leonid Cypkin. Leto v Badene." *Znayu*, no. 6, 2004 <<https://magazines.gorky.media/znamia/2004/6/leonid-cyppkin-letov-badene.htm>>

l?msclkiid=4625c983cf1d11ec83aaa41ed9d55d52> [Степанян, Карен. "Леонид Цыпкин. Лето в Бадене." *Знамя*, no 6, 2004 <<https://magazines.gorky.media/znamia/2004/6/leonid-czypkin-letov-badene.html?msclkiid=4625c983cf1d11ec83aaa41ed9d55d52>>].

Zontag, Susan, "Lubit Dostoevskogo." In: L. Cypkin. *Leto v Badene*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie 2003 <https://www.netzulum.org/R/OrgR/Library/Tsyupkin/tsyupkin_letov_badene.pdf> [Зонтаг, Сьюзен. "Любить Достоевского." В: Л. Цыпкин. *Лето в Бадене*. Москва: "Новое литературное обозрение" 2003 <https://www.netzulum.org/R/OrgR/Library/Tsyupkin/tsyupkin_letov_badene.pdf>].